

Т. В. Ермакова

Институт буддийской культуры АН СССР (1928—1930 гг.)

Эпохальные события 1910-х гг. — Первая мировая война и Октябрьская социалистическая революция, крушение кайзеровской Германии и Российской империи внесли существенные изменения в культурную и научную жизнь Европы. С. Ф. Ольденбург, побывавший в 1923 г. командировке на Западе с целью восстановления связей между отечественными и зарубежными учеными, отразил свои тягостные наблюдения о происшедших там переменах в небольшой по объему книге «Европа в сумерках и пожарищах войны: Впечатления от поездки в Германию, Англию и Францию летом 1923 г.»¹. В ней отмечены явные признаки духовного кризиса в кругах немецкой интеллигенции, искавшей, по словам российского академика, опору в «Библии, вегетарианстве, гимнастике, Ведах, загробной жизни, эвритмии, юдофобии, ненависти к французам»² и набравшем обороты шовинизме. В Англии Ольденбурга неприятно поразили такие явления послевоенной действительности, как «неразумная экономия средств, выделяемых Британскому музею, узость управленческой мысли и чрезмерный техницизм», а во Франции — «ненависть к Германии и немцам»³.

Вместе с тем, российский академик не терял надежды на возрождение европейского духа. «Я глубоко убежден, — писал Ольденбург, — что это предрассветные сумерки, а не сумерки перед новой ночью»⁴. Но одновременно он убедился и в том, что довоенная парадигма международной организации востоковедных исследований осталась в прошлом. Прежде, когда необходимо было осуществить археологический штурм культурного наследия Центральной Азии I тыс. н.э., расшифровать неизвестные языки, вскрыть сложнейший пласт буддийского письменного наследия, ученые разных стран объединяли свои усилия в коллективных исследовательских проектах. Теперь в обстановке разобщенности эта форма деятельности востоковедного сообщества осталась лишь воспоминанием. И хотя работа над международным проектом изучения «Абхидхармакоши» Васубандху еще теплилась, она не имела ни организационных, ни финансовых, ни издательских перспектив для завершения.

Как непрременный секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург вдумчиво вел поиск новых форм организации востоковедных и, в частности, буддологических исследований. Во время второй своей командировки в Германию, Англию

¹ Ольденбург С. Ф. Европа в сумерках и пожарищах войны: Впечатления от поездки в Германию, Англию и Францию летом 1923 г. Пг., 1924.

² Там же, с. 45.

³ Там же, с. 101—102.

⁴ Там же.

и Францию (1926), направленной на ознакомление с новыми методами организации научной работы, его очень заинтересовал Венгерский институт, образованный при Берлинском университете. В этом учреждении осуществлялось комплексное изучение языков, истории и культуры финоугорских народов, причем стволным объектом исследования выступала именно культура. Свои наблюдения и аналитические размышления С. Ф. Ольденбург изложил в статье «Новые научные учреждения Берлина», где указал на практическую возможность и целесообразность заимствования германского опыта организации специализированного научно-исследовательского института⁵.

Теме образования научно-исследовательских учреждений нового типа вкрупне с обоснованием необходимости создания Института буддийской культуры (далее — ИНБУК) была посвящена другая программная его статья — «Всесоюзная Академия наук». В ней Ольденбург подчеркнул неизбежность перехода в области буддологии от индивидуальных исследований к коллективным и указал на Ф. И. Щербатского как на авторитетного научного лидера, способного спланировать и возглавить такую работу⁶.

По мысли С. Ф. Ольденбурга ИНБУК как научно-исследовательское учреждение, предназначенное для изучения культуры во всем ее полиэтническом многообразии, должен был иметь структурные подразделения, соответствующие историко-географическим векторам распространения буддизма, — Индия, Дальний Восток (Китай и Япония), Тибет, Монголия. Такая структура позволяла соединить характерный для старого востоковедения страноведческий принцип специализации исследовательских подразделений с новым — проблемно-тематическим способом интеграции их совокупной деятельности.

Важно отметить, что такая модель организации учитывала аспект исторического продвижения буддийских письменных источников в различные азиатские регионы Азии. Ко времени создания ИНБУКа отечественные буддологи уже хорошо представляли себе этот историко-культурный процесс благодаря рукописным находкам центральноазиатских экспедиций 1900–1910-х гг. Обнаружение фрагментов канонических текстов на санскрите подтверждало принципиальную значимость именно санскритского, а не палийского оригинала Трипитаки для изучения буддийской культурной традиции Дальнего Востока, Тибета и Монголии. Не с палийских, а именно с санскритских текстов выполнялись китайские и тибетские переводы канонических произведений, вошедших в местные канонизированные собрания — Китайскую Трипитаку и Ганджур наряду с переводами целого ряда постканонических трактатов. Но Палийский канон (Трипитака), функционировавший в цейлонской (сингальской) традиции, сохранился в отличие от Трипитаки, полностью. И поэтому важнейшей исследователь-

⁵ Ольденбург С. Ф. Новые научные учреждения Берлина // Научный работник, 1926, № 7–8, с. 100.

⁶ Ольденбург С. Ф. Всесоюзная Академия наук // Наука и ее работники, 1927, кн. 7, с. 241–248.

ской задачей в аспекте изучения лингвистического инструментария буддийской культуры должна была выступать подготовка пали-санскритско-тибетско-китайского Буддийского терминологического словаря. «Энциклопедия Абхидхармы» Васубандху в тибетском и двух китайских переводах являлась в данной перспективе наиболее репрезентативным источником, так как в этом трактате был представлен концептуальный анализ терминологического аппарата санскритской Трипитаки, и кроме того в распоряжении исследователей имелся санскритский комментарий Яшомитры. Работа над созданием Буддийского терминологического словаря должна была объединить деятельность всех структурных подразделений нового научно-исследовательского учреждения.

В структуре ИНБУКа предполагалось также наличие специализированной научной библиотеки, призванной обслуживать исследовательскую работу его сотрудников. Текущие результаты исследований планировалось публиковать в институтском печатном издании — «Ежегоднике ИНБУК», а итоговые работы — в серии “*Bibliotheca Buddhica*” на русском и западноевропейских языках. Координационным и экспертным органом института должен был выступать Ученый совет.

В 1927 г. С.Ф. Ольденбург совместно с М. И. Тубянским и Ф. И. Щербатским подписал Объяснительную записку об учреждении ИНБУКа⁷ в составе Академии и направил этот документ на рассмотрение в Совнарком. Потребовалось довольно продолжительное время, чтобы получить из этой инстанции положительный ответ, — только 13 марта 1928 г. Совнарком утвердил Устав ИНБУКа⁸ и кандидатуру Ф. И. Щербатского на пост директора института.

Согласно Уставу, целью деятельности нового научно-исследовательского учреждения выступало «всестороннее изучение буддийской культуры и ее форм, как в процессе их исторического развития, так и в современном состоянии, в различных странах и среди различных народностей». Эта цель конкретизировалась в 10 задачах, определявших направления исследований. В их перечне указывалось, в частности, развертывание экспедиционных изысканий в стране и за рубежом, направленных на составление коллекций буддийских рукописей и старопечатных изданий. Планировались также работы по изданию письменных памятников, выполнение исследований и комментированных переводов источников, репрезентативных для изучения буддийской культуры народов СССР (бурят и калмыков) и сопредельных стран.

Наряду с этим в п. 2.2. Устава формулировалась задача «изучения отдельных отраслей знания, входящих в состав буддийской культуры или развивавшихся под ее влиянием». Этот пункт представляет особый интерес в контексте характерного для Санкт-Петербургской буддологической школы исторического подхода к изучению буддийского культурного наследия. Оформившийся в Индии культур-

⁷ См.: Приложение к Протоколу VII заседания ОИФ АН СССР от 13 апреля 1927 г. // Известия АН СССР, серия VI, т. XXI, 1927. Л., 1928, с. 1701–1704.

⁸ Устав ИНБУКа хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН. Публикацию см. наст. изд.

ный «геном» буддизма включал в себя «10 традиционных наук»⁹: пять основных — философию постанонической Абхидхармы, грамматику, логику, медицину и технологию и пять вспомогательных — поэтику, метрику, лексикографию, искусство драмы, астрологию.

В состав философии постканонической Абхидхармы входили произведения Васубандху («Абхидхармакоша», «Тримшика», «Вимшатики»), трактаты представителей школ Мадхьямика и Виджнянавада. Под «грамматикой» имелась в виду наука о языке, предполагавшая изучение языка канонических текстов (санскрита, а на Цейлоне и в странах Юго-Восточной Азии — пали) и формирования местной письменной традиции, связанной с переводом канонических и постканонических сочинений. Наука логики (санскр. ньяя) была не только необходимым инструментом развития понятийно-теоретического мышления последователей буддизма, но и оружием защиты Дхармы в диспутах с идейными оппонентами. Медицина имела наряду с практическим значением функцию укрепления веры в силу Дхармы, поскольку в религиозной доктрине Будда выступал также покровителем и наставником врачей. «Технология» являлась теоретической областью знаний о строительстве буддийских культовых сооружений — храмов и реликвариев (ступ) и разбивке планов воздвижения монастырских комплексов, об искусстве вааяния буддийских культовых статуй и мелкой пластики, резки по камню и дереву, применявшейся в пластическом убранстве храмов и фресковой живописи. Комплекс вспомогательных наук также был тесно связан с религиозно-идеологическим ядром буддизма и практическими нуждами его последователей. И именно эти «10 традиционных наук» осваивались, а затем и развивались везде, куда продвигался буддизм, исторически превращаясь в мировую религию. Становление специфических социокультурных форм буддизма в Тибете, Китае, Монголии, а затем и в этнической среде бурят и калмыков сопровождалось трансплантацией буддийского культурного «генома» — его приживлением к новой этнолингвистической почве и зарождением местной буддийской учености. Планировавшееся п. 2.2. Устава ИНБУКа «изучение отдельных отраслей знания, входящих в состав буддийской культуры», позволяло раскрыть системно-смысловое единство этой полиэтнической и многоязыкой культурной традиции.

О планах и результатах деятельности сотрудников ИНБУКа можно судить на основе документации этого учреждения, которая хранится ныне в архиве Института восточных рукописей РАН, а также по тем опубликованным работам, которые были завершены уже после ликвидации этого учреждения. Кроме того, некоторые неопубликованные труды, создававшиеся в соответствии с его научно-исследовательскими программами, сохранились в Архиве востоковедов ИВР РАН и в архиве академика Ф. И. Цербатского.

⁹ Данная проблема рассмотрена в работе современной представительницы Санкт-Петербургской буддологической школы Е. Ю. Харьковской. См.: Харьковская Е. Ю. Сочинения Муге Самтэна Гьяцо (1914–1993) как источник изучения истории тибетобуддийской культуры. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2006.

ИНБУК был размещен в здании Библиотеки Академии Наук. Ф. И. Щербатской и С. Ф. Ольденбург передали в библиотечный фонд института значительное количество научной литературы, являвшейся их личной собственностью. Ольденбург также предложил использовать в качестве читальных залов для сотрудников две комнаты в своей служебной квартире в главном здании Академии наук (Университетская набережная, д. 5).

Научно-исследовательская программа института распределилась по четырем Секциям — Индии, Тибета, Монголии, Китая и Японии, каждая из которых имела собственного ученого секретаря и планово-отчетную документацию. Позиция заведующего Секцией не предусматривалась штатным расписанием, так как руководство коллективом и вопросы научной политики были предметом ведения директора учреждения — Ф. И. Щербатского.

Временно исполняющим обязанности ученого секретаря Секции Индии выступал Б. В. Семичев. Согласно отчетам ИНБУКа, им был подготовлен к печати трехязычный индекс к словарю «Махавьютпатти»¹⁰, санскритский и тибетский индексы к тексту «Абхисама-аламкара» и проводился сбор материалов для составления параллельного пали-санскритско-тибетско-китайского Буддийского терминологического словаря.

Ученым секретарем Секции Тибета был назначен А. И. Востриков. Он готовил к публикации текст трактата Дигнаги «Хетучакра» и занимался переводом этого произведения, а также и других трактатов по науке логики. В фокусе исследовательского внимания Вострикова были письменные памятники буддийской традиции — «Праманавартика» Дхармакирти с Комментарием Девендрабуддхи и брахманистской — «Ньяявартика-татпарья-тика» и «Татвабинду» Вачаспати-мишры. Согласно разработанному Ф. И. Щербатским научному плану, он должен был выявить способы адаптации буддийской логики в культуре Тибета, сопоставляя санскритские оригиналы и тибетские переводы и комментарии. Привлечение брахманистских произведений — трактатов выдающегося индийского мыслителя Вачаспати-мишры (IX в.) позволяло реконструировать ход развития логики и эпистемологии в Индии, где буддийская мысль концептуально оттачивалась в полемической конфронтации с брахманизмом.

В Отчетах также перечисляются подготовленные А. И. Востриковым для «Ежегодника ИНБУК» пять статей: «О тибетском диалектическом методе», «О комментариях на Праманавартику»; «Обзор содержания сочинения. Праманавартика и порядок его глав»; «О тибетской литературе по Абхидхармакоше»; «О грамматике Панини в Тибетском Каноне». Также была указана и новая

¹⁰ Махавьютпатти — санскритский буддийский словарь, созданный предположительно в II–IV в. Впервые текст этого лексикона был подготовлен к изданию И. П. Минаевым. Эту работу продолжил выдающийся индолог-палеограф Н. Д. Мионов (1880–1936), который в 1911 г. издал Махавьютпатти в серии “Bibliotheca Buddhica” (XIII), снабдив его указателем. Данное издание послужило основой немого количества буддологических работ, выполненных западноевропейскими и японскими учеными XX в.

тема — издание китайского текста и перевода трактата Васубандху «Таркашастра» с привлечением тибетских и китайских источников. Работа над этой темой велась А. И. Востриковым совместно с ученым секретарем Секции Китая и Японии Б. А. Васильевым. А совместно с Ф. И. Щербатским Востриков работал над «Грамматикой и хрестоматией тибетского языка». В отчетной документации значится, что этот труд был завершен и подготовлен к печати. Однако в архивах какие-либо его следы до сих не обнаружены.

Секция Китая и Японии представлена в Отчетах тремя статьями Б. А. Васильева для «Ежегодника ИНБУК»: «О буддийском влиянии на китайскую литературу», «О китайской и японской литературе по Абхидхармакоше», «Очерк Буддийской Академии Китая». Кроме того, отмечалось, что Б. А. Васильев проводит сбор материалов для «Библиографии буддийской литературы Китая и Японии» и для Буддийского терминологического словаря.

Ученым секретарем Секции Монголии состоял Е. Е. Обермиллер, который за время работы в ИНБУКе завершил перевод на английский язык произведения выдающегося тибетского мыслителя и историографа Будона Ринчендуба (XIV в.) «История буддизма в Индии и Тибете» и опубликовал эту работу в виде двухтомника в Лейдене (1931). В серии “*Bibliotheca Buddhica*” вышла в свет его работа — «Санскритско-тибетский и тибетско-санскритский индексы к сочинениям Nyayabindu и Nyayabindutika, изданным акад. Ф. И. Щербатским» (на английском языке). Занимался Е. Е. Обермиллер и сбором материалов для Буддийского терминологического словаря по индийским, тибетским и монгольским источникам.

С. Ф. Щербатской, будучи директором ИНБУКа, продолжал свои исследования по двум направлениям: выполнение перевода первой главы «Абхидхармакоши» Васубандху с тибетского языка («Анализ по классам элементов») и завершение фундаментальной монографии «Буддийская логика» (на английском языке). Работа по обоим этим направлениям была им полностью завершена уже после ликвидации ИНБУКа. Русский перевод «Анализа по классам элементов» хранится в Архиве востоковедов, и в настоящее время, когда отечественная буддологическая литература располагает переводом всей «Энциклопедии Абхидхармы», выполненным с санскритского оригинала, издание труда Ф. И. Щербатского могло бы представлять большой интерес в науковедческом аспекте.

ИНБУК просуществовал очень недолго — с 1928 по 1930 гг. Этот двухлетний период, как справедливо отмечает Б. С. Каганович, исследователь биографии С. Ф. Ольденбурга, оказался переломным для Академии наук, вступавшей в эпоху «советизации»¹¹. Политическое руководство страны предпочло сохранить Академию наук, но с условием ее превращения в учреждение, «лишенное самостоятельности и обеспечивающее потребности государства»¹².

Такая трансформация в управлении наукой протекала на фоне следственных мероприятий по факту обнаружения в Рукописном отделении Библиотеки Акаде-

¹¹ Каганович Б. С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2006, с. 151.

¹² Там же, с. 194.

мии наук (в составе нешифрованных фондов) конверта с оригиналами отречений от престола Николая и Михаила Романовых, а также и других документов политического характера. Было инициировано так называемое «Академическое дело», затронувшее не только сотрудников БАН, но и персонал Пушкинского дома и Археографической комиссии. И хотя С. Ф. Ольденбург формально не был причислен к его фигурантам, оставаться на посту неперемennого секретаря Академии наук он уже не мог. 30 марта 1930 г. было решено провести реорганизацию функционировавших в составе Академии востоковедных учреждений. Общим собранием Академии 4 апреля 1930 г. был утвержден проект создания Института востоковедения АН СССР на базе Азиатского музея, Коллегии востоковедов, ИНБУКа и Туркологического кабинета. С. Ф. Ольденбург был избран его директором.

Структура ИВАН имела характер регионально-страноведческого кабинетного деления. Ольденбург надеялся развернуть буддологические исследования под руководством Ф. И. Щербатского в Индо-тибетском кабинете, которым тот заведовал. Однако политико-идеологическая атмосфера в стране не располагала к изучению письменного наследия «индийских попов». Задуманный Ольденбургом коллективный проект перевода палийских джатак (нравоучительных художественных повествований, входящих в состав второго раздела Палийского канона — Виная-питаки) так и остался нереализованным.

Работа велась преимущественно в индологическом направлении: сам С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, Е. Е. Обермиллер, А. И. Востриков и Б. В. Семичев выполняли комментированный перевод санскритского политико-экономического трактата «Артхашастра»¹³.

Необходимо подчеркнуть, что решения по вопросам научной политики в ИВАНе принимались на заседаниях дирекции — нового для академических учреждений органа, а директор лишь визировал их¹⁴. В состав дирекции входили наряду с руководителем института заместитель директора, ученый секретарь, назначавшийся внеинститутскими инстанциями, секретарь партбюро, представители большой когорты аспирантов-выдвиженцев и общественных организаций. О том, какие неблагоприятные для развития буддологии решения принимались этим коллегиальным органом, свидетельствует протокол заседания от 1 января 1932 г.: «Все работы тт. Обермиллера и Тубянского по Библиотеке Буддика, не рекомендуемые ИВ (Институтом востоковедения, — авт.) для широкого распространения, не передавать в печать, а в виде оттисков хранить в ИВ для научной

¹³ Работа над комментированным переводом «Артхашастра» возобновилась в ИВАН в 1938 г. Ф. И. Щербатским и завершена В. И. Кальяновым. См.: Артхашастра, или Наука политики / Изд. подгот. В. И. Кальянов. М.-Л., 1959.

¹⁴ О данном аспекте деятельности ИВАН в период директорства С. Ф. Ольденбурга см.: Каганович Б. С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии, с. 205–207; Васильков Я. В. Академик С. Ф. Ольденбург: Последние годы (Директор Института востоковедения АН СССР) // Наука и техника. Вопросы истории и теории. СПб., 1999, с. 156.

работы»¹⁵. Именно в такой ситуации фактической внутренней политико-идеологической цензуры Санкт-Петербургская буддологическая школа продолжала существовать вплоть до 1937 г., когда и произошел ее кадровый разгром.

Последняя буддологическая работа самого С. Ф. Ольденбурга — статья «Буддизм и массовые культы» увидела свет лишь через многие десятилетия после его кончины¹⁶. Несмотря на незавершенность и неотделанность этой работы, она исключительно важна для понимания того направления, которое развивал Ольденбург в качестве одного из основоположников Санкт-Петербургской буддологической школы. В ней ученый еще раз подчеркнул идею, которая методологически структурировала его подход к интерпретации явлений буддийской культуры, — буддизм следует рассматривать в первую очередь как религию, и было бы в равной степени ошибочным сводить все его содержание только к философии или же квалифицировать буддизм в качестве какой-то особой «атеистической» религии. Эта идея Ольденбурга отнюдь не банальна и до сих пор не утратила своей теоретической новизны в виду типологического отличия буддизма от двух других мировых религий — христианства и ислама, возникших в ином культурно-цивилизационном очаге. Буддизм, будучи мировоззренческой системой без бога и души, вплоть до настоящего времени преподносится в массовой западной и отечественной культуре и трудах ряда представителей естественных наук (например, физика Ф. Капры) в качестве опережающего время интеллектуального прорыва к проблематике теории относительности, холистического мышления и постнеклассической парадигмы рациональности. Наряду с этим внеисторичным истолкованием все еще функционирует и другая тенденция — редуцировать буддизм к теоретическому умозрению, объясняющему трансперсональный опыт «работы с сознанием».

В статье «Буддизм и массовые культы» проводится и тезис о зависимости форм буддизма от той социальной и этнокультурной среды, в которой эта религия укореняется, ассимилируя местные архаические культы. Ольденбург, внимательно следивший за развитием в Западной Европе социогуманитарных наук и лично знавший французских социальных антропологов М. Мюсса и А. Мейе, последователей одного из классиков социологии религии — Э. Дюркгейма, глубоко понимал важность изучения явлений буддийской культуры именно в контексте исторического превращения буддизма в мировую религию. В своей последней статье он попытался кратко обобщить те концептуальные принципы, которыми руководствовался при анализе памятников буддийской художественной культуры¹⁷.

К концу 1932 г. буддологическая тематика начала целенаправленно отодвигаться руководством ИВАН на периферию исследовательских планов. С. Ф. Оль-

¹⁵ Протокол заседания дирекции ИВАН. СПбФ АРАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 247, л. 1.

¹⁶ Ольденбург С. Ф. Буддизм и массовые культы // Культура Индии. М., 1991, с. 251–261.

¹⁷ Последняя работа С. Ф. Ольденбурга, посвященная данной проблематике, была подготовлена им совместно с супругой. См.: Ольденбург С. Ф. и Е. Г. Гандхарские скульптурные памятники Государственного Эрмитажа // Записки Коллегии востоковедов. 1930, т. V, с. 145–186.

денбург часто и подолгу болел, и было очевидно, что с его окончательным уходом от дел изучение буддийских письменных памятников как одно из направлений деятельности института может заглохнуть. Особое усердие в этом аспекте проявляли члены институтской ячейки содействия Обществу марксистов-востоковедов. По-своему понимая задачу борьбы с религией, они требовали прекратить буддологические исследования, уничтожительно именуя санскрит «поповским языком».

Борьба с религией нарастала и в Бурятии, все более явно принимая уродливые репрессивные формы. А между тем, именно Бурятия, ее монастыри и созданная А. Доржиевым при Ацагатском дацане школа тибетской медицины — Мамбадацан — выступали для учеников Щербатского (А. И. Вострикова, Е. Е. Обермиллера, Б. В. Семичова) базой изучения буддийской культуры Центральной Азии. В 1932 г. в Верхнеудинске вышла в свет брошюра одного из местных борцов с религией Б. Т. Тогмитова «Современный ламаизм в Бурятии и задачи дальнейшей борьбы с ним»¹⁸, в которой Е. Е. Обермиллер был представлен как пособник местных реакционных религиозных деятелей, рекламирующий их имена в научной печати в знак благодарности за целительские услуги.

Обермиллер тяжело переживал по поводу этого публичного доноса. К тому времени он уже был выведен за штат ИВАНА ввиду прогрессирующего хронического заболевания, но продолжал сотрудничать с институтом на договорной основе и хорошо понимал возможные последствия компрометирующей публикации для своего учителя, поощрявшего контакты учеников с буддийским духовенством. О том, что Е. Е. Обермиллер добывал в общении с образованными ламами информацию по вопросам буддийской терминологии не только для собственных исследований, но и по тематике работы Ф. И. Щербатского, было хорошо известно. Знали в институте и о том, что молодой ученый, страдавший наследственной синингомиелией, получал в Ацагатском аршане медицинскую помощь. Но в брошюре Тогмитова Е. Е. Обермиллер выставлялся безнравственным циником, лишенным научной совести.

А на деле именно наука, буддологические исследования являлись смыслом жизни Обермиллера. Из биографической справки о нем, хранящейся в Рукописном фонде Музея истории Бурятии (в составе материалов Ацагатского дацана) известно, что его путь в востоковедение складывался трудно. Сначала Обермиллер выбрал для себя совершенно иную область занятий, поступив в 1918 г. на естественное отделение физико-математического факультета Петроградского университета. Но студенческую скамью пришлось оставить из-за безденежья. Три последующие года он посвятил скучной работе счетовода, и как раз в этот период у него проявились симптомы опасного наследственного недуга. Работу пришлось оставить, и Обермиллер восстановился в 1922 г. в университете, но перешел на факультет общественных наук. Там, обучаясь по Дальневосточной секции, он и заинтересовался буддийскими письменными памятниками. Обермиллер

¹⁸ Тогмитов Б. Т. Современный ламаизм в Бурятии и задачи дальнейшей борьбы с ним. Верхнеудинск, 1932.

обладал исключительно благоприятными задатками для изучения восточных языков — феноменальной памятью прирожденного полиглота, абсолютным музыкальным слухом и любовью к систематическому упорному труду. В этом отношении он вполне отвечал тем высоким требованиям, которые предъявлял к своим ближайшим ученикам Ф. И. Щербатской.

С 1925 г., после окончания университета, Е. Е. Обермиллер внештатно сотрудничал с Издательством Академии наук. Побывать в Забайкальском ареале буддийской культуры он решился впервые на свой страх и риск, за собственный счет, и в 1926 г. совершил исключительно удачное по научным результатам путешествие в Бурятию. И это было тем более удивительно, что его заболевание неумолимо прогрессировало — правая сторона тела уже плохо повиновалась ему — он волочил ногу при ходьбе, а писать был вынужден левой рукой. С. Ф. Ольденбург и Ф. И. Щербатской исключительно высоко оценили эффективность экспедиции Обермиллера, и в следующем году он снова отправился обследовать забайкальские дацаны, но теперь уже по заданию Академии наук. С 1928 г. как сотрудник ИНБУКа он посещал Бурятию регулярно, и за время своей работы в ИНБУКе, а затем в ИВАНе предпринял в общей сложности пять экспедиций, путешествуя по Забайкалью в летние и осенние периоды.

Еще в 1928 г. Е. Е. Обермиллер замечал нарастающие нестроения в среде ламства. В Ацагатском дацане А. Доржиеву противостояла группа духовенства, пытавшаяся во что бы то ни стало сохранить прежний хозяйственно-экономический уклад, при котором миряне были обязаны поддерживать монастырь материально. Но теперь, при советской власти, такой обязанности быть не могло, и оставалось довольствоваться тем, что давалось добровольно. А. Доржиев прекрасно понимал сложившуюся ситуацию и возлагал надежду на Ацагатский аршан, который оказывал медицинскую помощь населению. По традиции пациенты приносили врачевателям дары, поддерживающие существование не только медицинской школы, но и дацана. Говоря современным языком, дацан и монашество могли выжить в новых условиях только благодаря «хозрасчетной» деятельности врачевателей.

Обермиллер надеялся помочь Ацагатскому аршану, предложив С. Ф. Ольденбургу ввести эту традиционную школу тибетской медицины в состав ИНБУКа в качестве исследовательской базы, и советовался об этом с Ф. И. Щербатским в письме от 10.08.1928 г. Но Академия наук уже не имела ни прежнего престижа и статуса, ни свободных средств для содержания исследовательской базы в Забайкалье. В 1930 г. А. Доржиев был выслан из Бурятии как нежелательный элемент, поскольку пытался найти новые пути сохранения буддийской культуры. Он, будучи членом Ученого совета ИНБУКа, перебрался в Ленинград, где создал при дацане в Старой деревне Тибето-монгольскую миссию. Общежитие дацана служило домом для многих идеологических изгоев, и не только из числа духовенства. Позднее там же проживал, в частности, Б. Б. Барадийн, также вынужденный покинуть Бурятию.